

Литературная жизнь сюжета

УДК 89.1

DOI 10.25205/2410-7883-2019-1-139-145

А. А. Асоян¹, Ю. А. Асоян²

¹ Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов
Санкт-Петербург

² Российский государственный гуманитарный университет
Москва

Шекспир и Пушкин

Современные исследователи обращают внимание прежде всего на типологические связи произведений Шекспира и Пушкина, но нам кажется, что продуктивный метод изучения сходства англо-русских коммуникаций в данном контексте связан не с конкретными образно-тематическими или жанрово-тематическими особенностями, не с общностью отдельных мотивов и, наконец, не с концепциями реакций русского поэта на конкретные произведения английского барда, а с генетической тексто- и смыслообразующей связью творчества русского поэта с поэтикой Шекспира «in pace». Недаром М. П. Алексеев отмечал, что Шекспир был для Пушкина «проблемой мировоззрения», а с другой стороны, представляется принципиальным, что Э. Гилльард обосновал необходимость применительно к анализу шекспировских драм введения категории «картина мира», потому что, как говорил С. Кольридж, в какой-либо частности великий драматург открывал «универсальное, потенциально существующее, и открывал в образе человека».

В этой ретроспективе высказывание Х. Блума, автора бестселлера «Западный канон», «Есть человек *до* и *после* Шекспира» влечет за собой другое соображение: «Есть человек *до* и *после* Пушкина». Тот и другой – творцы новейшей драмы.

Ученик М. П. Алексеева, замечательный компаративист Ю. Д. Левин полагал: «В истории русского шекспиризма <...> Пушкин – центральная фигура. Именно он осуществил ту творческую переработку шекспировской поэтики, которая затем была освоена развитием русской драматургии». Об исключительном значении Пушкина в переложении шекспировской поэтики на русскую почву косвенно высказался в своих записных книжках друг Пушкина П. А. Вяземский: «Что кинуло наше драматическое искусство на узкую дорогу французов? – спрашивал он. – Худые трагедии Сумарокова. Будь он подражателем Шекспира, мы усовершенствовали бы его худые подражания англичанам, как ныне усовершенствовали его бледные подражания французам».

Гениальные поэты были ведомы к творческим свершениям беспристрастным постижением человеческой природы, и на этом пути явили образ человека в полноте его собственной исторической *реальности*. Это нашло выражение прежде всего в независимом достоинстве поэзии, не способной ни у Шекспира, ни у Пушкина искать опоры у внеположных

Асоян Арам Айкович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры искусствоведения, Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов (ул. Фучика, 15, Санкт-Петербург, 192236, Россия, asojan.aram@yandex.ru)

Асоян Юлий Арамович – кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии, Российский государственный гуманитарный университет (Миусская площадь, 6, Москва, 125993, Россия, assoyan@mail.ru)

ISSN 2410-7883. Сюжетология и сюжетография. 2019. № 1. С. 139–145.

© А. А. Асоян, Ю. А. Асоян, 2019

ей религиозных риторико-философских или политических соображений. *Недаром контекст пушкинского творчества*, полагает В. С. Непомнящий, не литература, не культура, не история даже как таковые, а само бытие в его универсальном понимании, целостном всеединстве. Примечательно, что, по мнению Г. Блума, и пьесы Шекспира даруют «нам возможность приобщиться к тому, что можно назвать первичной эстетической ценностью».

Связующим звеном двух поэтов были «величие замысла», целокупность художественного сознания, способность, как говорил Гераклит, «видеть все, как одно», и глубокая психологическая разработка непредсказуемого человеческого характера.

Ключевые слова: компаративистика, Пушкин, Шекспир.

В истории мировой культуры есть фигуры, которым самой логикой событий предназначено завершить одну эпоху и начать другую. Среди них естественно упомянуть Шекспира, к которому еще Карамзин взывал:

Кто лучше твоего
Познал сердца людей? Чья кисть с таким искусством
Живописала их?
[Карамзин, 1958, с. 81]

Не менее красноречиво и замечание В. Набокова. В одном из интервью он сказал: «Кровь Пушкина течет в жилах новой русской литературы с такой же неизбежностью, с какой в английской – кровь Шекспира» [Набоков, 1988, с. 163].

Каждый из поэтов определил, как будут писать и говорить на протяжении многих веков. Достоинно внимания, что в свое время Гегель говорил: «Предоставленная только самой себе индивидуальность не имеет продуманных намерений... которые связывали бы ее с каким-нибудь всеобщим пафосом. Все то, чем она обладает, то, что она... совершает, она черпает... без особо глубокой рефлексии, из собственной... природы... и не хочет быть обоснованной чем-то высшим... найти свое оправдание в чем-то субстанциальном. Она непреклонно опирается на самое себя, и... либо осуществляет себя, либо гибнет. Такая самостоятельность характера может обнаружиться лишь там, где небожественное, человеческое по преимуществу, достигает своей полной значимости» [Гегель, 1969, с. 89].

Подобными характерами, как правило, являются персонажи Шекспира, герои Пушкина, да и сам русский поэт, который говорил: «Самостояние человека – залог величия его». Между тем это не отменяет, как отмечал И. Ильин, что гений творит из глубины национального духовного опыта. Он не заимствует и не подражает [1999]. Возрожденческий гуманизм и гуманизм пушкинского времени как «единственной культурной, – по словам Блока, – в России эпохи...» [Блок, 1962, с. 166] – это, действительно, культура человека как творческой личности; это человек, создающий чувственно-интеллектуальные ценности. Недаром Н. Станкевич писал о Шекспире: «он творил “так”, потому что “так” явилась ему жизнь и возбуждала его гений» [Станкевич, 1914, с. 237]. Собственно об этом же писал В. Белинский: «...знакомство с драмами Шекспира показывает, что всякий человек, на какой бы низкой ступени общества он ни стоял, имеет полное право на внимание искусства...» [Белинский, 1947, с. 242]. В этой перспективе высказывание Х. Блума, автора книги «Западный канон» [2017], «Есть человек *до* и *после* Шекспира» влечет за собой другое соображение: «Есть человек *до* и *после* Пушкина». Тот и другой – олицетворение творческой свободы, оба дерзают, замечал Дм. Мережковский, испытывать власть гармоний. «По совершенному равновесию, *divina proportione*, содержания и формы, по сочетанию вольной, творящей силы природы с безукоризненной сдержанностью и точностью выражений... Пушкин стоит рядом с Шекспиром» [Мережковский, 1999, с. 133]. Оба поэта –

творцы новейшей драмы [Белинский, 1851, с. 81]. Как будто о них говорил М. Монтень: «Проявить себя в своем природном естестве есть признак совершенства и качество почти божественное» [Монтень, 1979, с. 311].

Здесь кстати вспомнить, что Вл. Вейдле писал: «...достаточно прочесть... монолог “Скупого рыцаря”, этот несравненный образец прививки шекспировского стиля иной поэзии и иному языку, чтобы убедиться, что в пределах отрывка (что уже немало, так как ткань действия везде одна) он (Пушкин. – А. А., А. А.) сумел потягаться с... Шекспиром... стать (его. – А. А., А. А.) спутником, оставаясь в то же время самим собою» [Вейдле, 1999, с. 420]. Тем не менее многие отечественные исследователи обращают внимание прежде всего на типологические связи пушкинских произведений, таких как «Борис Годунов», «Анджело» и даже «Станционный смотритель», с исторической хроникой «Генрих IV», трагедиями «Король Лир», «Макбет» (которого, вероятно, Пушкин, в отличие от Грибоедова, не читал), но нам кажется, что продуктивный метод изучения сходства англо-русских коммуникаций в данном контексте связан не с конкретными образно-тематическими или жанрово-тематическими перекличками, не с общностью отдельных мотивов и, наконец, не с концептами откликов русского поэта на конкретные опусы английского барда, а с генетическими тексто- и смыслопорождающими связями творчества русского поэта с шекспировской поэтикой *in puse*. Недаром компаративист М. П. Алексеев абсолютно точно отмечал, что Шекспир стал для Пушкина «проблемой мировоззрения, содействовал выработке представлений о ходе истории, о государственной жизни и человеческих судьбах» [Алексеев, 1972, с. 248–249]. Другой же специалист по русско-английским литературным связям Ю. Д. Левин писал: «В истории русского шекспиризма... Пушкин – центральная фигура. Именно он осуществил ту творческую переработку шекспировской поэтики, которая затем была освоена развитием русской драматургии» [Левин, 1988, с. 32].

Об исключительном значении Пушкина в переложении шекспировской поэтики на русскую почву косвенно отмечал в своих записных книжках друг Пушкина П. А. Вяземский: «Что кинуло наше драматическое искусство на узкую дорожку французов? – спрашивал он. – Худые трагедии Сумарокова. Будь он подражателем Шекспира, мы усовершенствовали бы его худые подражания англичанам, как ныне усовершенствовали его бледные подражания французам» [Вяземский, 1963, с. 38].

В связи с этим кажется весьма принципиальным, что Э. У. М. Тилльярд обосновал необходимость ввести применительно к анализу шекспировских драм категорию «картина мира» (см. [Зверев, 1999, с. 78]), ибо, как говорил С. Кольридж, в любой частности великому драматургу открывалось всеобщее, потенциально существующее, и открывалось в образе *homo generalis* [Кольридж, 1980, с. 294]. Недаром Пушкин признавался: «У меня кружится голова после чтения Шекспира, я как будто смотрю в бездну» [Пушкин и его современники, 1914, с. 64].

Размышляя в период создания «Бориса Годунова» и компануя трагедию «по системе Отца нашего Шекспира», Пушкин восклицал: «Ужели невозможно быть истинным поэтом, не будучи ни закоренелым классиком, ни фанатическим романтиком? Формы, обряды должны ли непременно поработать литературную совесть?» [Пушкин, 1977–1979, т. 7, с. 151].

Но что есть литературная совесть? Для Пушкина, как и для Шекспира, – это предстояние перед лицом истории. «Драматический поэт, – рассуждал Пушкин, – беспристрастный, как судьба... Не он, ни его политический образ, ни его тайное или явное пристрастие должно было говорить в трагедии, но люди минувших дней, их умы, их предрассудки. Не его дело оправдывать или обвинять, подсказы-

вать речи. Его дело воскресить минувший век во всей его истине...» [Там же, с. 218].

Примечательно, что английские шекспироведы последовательно отмечают, что в пьесах барда «не чувствуется личности автора, а герои размышляют сами по себе» [Акройнд, 2009, с. 277]. Действительно, автор «Бориса Годунова» не в меньшей мере, чем Шекспир, исследователь исторически обусловленного сознания, вышедший на розыски заказанною отвлеченному мышлению тропой искусства. Во времена Шекспира еще не существовало теорий, как писать историческую драму, как не существовало в пушкинские времена ни опыта, ни теории «истинно романтической трагедии», о которой мечтал русский автор. Но Вл. Вейдле писал: «В “Борисе Годунове” больше Шекспира, чем Карамзина... притом дело здесь не в том, что историки литературы любят называть влиянием, т. е. в использовании подходящих приемов и материалов, а в ощущении внутреннего родства, постепенно идущего вглубь по линии от Байрона к Шекспиру... Объясняется это не влиянием, а родством; не родством души, но поэтической совести и поэтического вкуса» [Вейдле, 1999, с. 419–420].

Оба поэта были ведомы к творческим свершениям беспристрастным постижением человеческой природы. На этом пути Шекспир и Пушкин явили образ человека в полноте его собственной исторической *реальности*. Недаром Пушкин был убежден, что «История народа принадлежит поэту» [Пушкин, 1979, т. 10, с. 126]. Впервые в истории европейской мысли, европейской образности Пушкин «столкнулся» в своем творчестве «Европу и Россию» как однородные, равнозначные, хотя и далеко не совпадающие величины [Бурсов, 1967, с. 174]. Это нашло выражение прежде всего в независимом достоинстве поэзии, не способной ни у Шекспира, ни у Пушкина искать опоры во внеположных ей религиозных риторико-философских или политических соображениях. Как поэт и драматург, считает Стивен Гринблатт, Шекспир первый десакрализовал образ монарха – он был олицетворением человеческой свободы [Гринблатт, 2014, с. 7]. Гений Пушкина был ее воплощением. Недаром контекст пушкинского творчества, полагает В. С. Непомнящий, не литература, не культура, не история даже как таковые, а само бытие в его универсальном понимании, целостном всеединстве [Непомнящий, 1999, с. 376]. Примечательно, что, по мнению Г. Блума, пьесы Шекспира, подобно этому, даруют «нам возможность приобщиться к тому, что можно назвать первичной эстетической ценностью» [Блум, 2017, с. 83]. Безусловно, И. Киреевский заслуженно называл Пушкина «поэтом действительности». Почти слово в слово повторил эту характеристику применительно к Шекспиру Белинский: «Шекспир... был поэтом полной действительности, а не одного какого-нибудь ее момента» [Белинский, 1841, с. 7]. Связующим звеном двух поэтов было прежде всего «величие замысла», целокупность художественного сознания, способность, как говорил Гераклит, «видеть все, как одно», и глубокая психологическая разработка непредсказуемого человеческого характера.

Список литературы

- Акройнд П. Шекспир. Биография. М.: Колибри, 2009.
Алексеев М. П. Пушкин. Сравнительно-исторические исследования. Л.: Наука, 1972.
Белинский В. Ответ «Москвитяину» // Белинский В. Полн. собр. соч. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. Т. 10. С. 221–269.

- Белинский В.* Статьи о народной поэзии // Отечественные записки. 1841. Т. 18, № 9. Отд. V. С. 1–18.
- Белинский В. С.* Как называется статья? // Отечественные записки. 1851. Т. 78, № 10, отд. VI. С. 80–90.
- Блок А. А.* О назначении поэта // Блок А. А. Собр. соч. М., Л.: ХЛ, 1962. Т. 6.
- Блум Г.* Западный канон. М.: НЛО, 2017.
- Бурсов Б. И.* Национальное своеобразие русской литературы. Л.: Сов. писатель, 1967.
- Вейдле Вл.* Пушкин и Европа // Пушкин в русской философской критике. Конец XIX – XX век. М.; СПб.: Университетская книга, 1999. С. 416–425.
- Вяземский П. А.* Записные книжки (1813–1848). М.: АН СССР, 1963.
- Гегель Г. В. Ф.* Формальная твердость характера // Гегель Г. В. Ф. Эстетика: В 4 т. М.: Искусство, 1969. Т. 1.
- Гринблатт С.* Свобода Шекспира // ИЛ. 2014. № 5. С. 7–11.
- Зверев А.* Смертный Бог // НЛО. 1999. № 1 (35). С. 78–83.
- Ильин И.* Пророческое призвание Пушкина // Пушкин в русской философской критике. Конец XIX – XX век. М., СПб.: Университетская книга, 1999. С. 335.
- Карамзин Н. М.* Поэзия. Л.: Сов. писатель, 1958.
- Кольридж С. Т.* Шекспир // Литературные манифесты западноевропейских романтиков. М., 1980. С. 294–295.
- Левин Ю. Д.* Шекспир и русская литература XIX века. Л.: Наука, 1988.
- Мережковский Дм.* Пушкин // Пушкин в русской философской критике. Конец XIX – XX век. М.; СПб.: Университетская книга, 1999. С. 80–140.
- Монтень М.* Опыты: В 3 кн. М.: Наука, 1979. Кн. 3.
- Набоков Вл.* Интервью, данное Альфреду Аппелю // Вопросы литературы. 1988. № 10. С. 161–188.
- Непомнящий В. С.* Да, укрепимся. По прочтении книги // Речи о Пушкине. 1880–1960. М.: Наследие, ИМЛИ РАН, 1999. С. 357–388.
- Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 10 т. Л.: Наука, 1977–1979.
- Пушкин и его современники. СПб., 1914. Вып. 19–20.
- Станкевич Н.* Переписка. 1830–1840. М., 1914.

А. А. Asoyan ¹, Yu. A. Asoyan ²

¹ St. Petersburg Humanity University of Trade Unions
St. Petersburg

² Russian State Humanity University
Moscow

Shakespeare & Pushkin

Modern researchers pay attention first of all to the typological connections of Pushkin's works, but it seems to us that the productive method of studying the similarity of English-Russian communications in this context is not associated with specific figurative-thematic or genre-thematic calls, not with the commonality of individual motifs and, finally, not with the concepts of the Russian poet's responses to specific works of the English bard, but with the genetic text- and meaning-generating links of the Russian poet's creativity with Shakespeare's poetics in nuce. No wonder M. P. Alekseev noted that Shakespeare was for Pushkin "the problem of worldview". On the other hand, it seems fundamental that E. W. M. Tillard justified the need to introduce the

category “picture of the world” in relation to the analysis of Shakespearean dramas, because, as S. Coleridge said, in any particular, the great playwright opened the universal, potentially existing, and opened in the image of homo generalis. In this retrospect, the statement of H. Bloom, the author of the bestseller “Western Canon”, “there is a man before and after Shakespeare” entails another consideration: “there is a man before and after Pushkin”. Both are the creators of the latest drama.

A student of M. P. Alekseev, great comparatist Yu. D. Levin thought: “In the history of Russian experme... Pushkin is the Central figure. It was he who carried out the creative processing of Shakespeare’s poetics, which was then mastered by the development of Russian drama.” About the exceptional importance of Pushkin in the arrangement of Shakespeare’s poetics on Russian soil indirectly expressed in his notebooks Pushkin’s friend P. A. Vyazemsky: “What threw our dramatic art on the narrow road of the French? – he asked. – Thin Sumarokov tragedy. If he had been an imitator of Shakespeare, we would have perfected his thin imitations of the English, as we have now perfected his pale imitations of the French.”

Brilliant poets were led to creative achievements by impartial comprehension of human nature, and on this way they showed the image of man in the fullness of his own historical reality. This was expressed primarily in the independent dignity of poetry, which neither Shakespeare nor Pushkin was able to find support for religious, rhetorical, philosophical or political considerations that were not in its favour. No wonder the context of Pushkin’s creativity, V. S. Nepomnyashchy believes, not literature, not culture, not history even as such, but existence itself in its universal understanding, integral unity. It is noteworthy that, according to G. Bloom, and Shakespeare’s plays give “us the opportunity to join what can be called the primary aesthetic value.”

The link between the two poets was the “grandeur of the idea”, the integrity of the artistic consciousness, the ability, as Heraclitus said, “to see everything as one”, and the deep psychological development of an unpredictable human character.

Keywords: comparative studies, Pushkin, Shakespeare.

References

- Ackroyd P. Shakespeare. Biography. Moscow, Hummingbird, 2009. (in Russ.)
- Alekseev M. P. Pushkin. Comparative-historical research. Leningrad, Moscow, Nauka, 1972. (in Russ.)
- Belinsky V. Articles about folk poetry. *Domestic Notes*, 1841, vol. 18, no. 9, otd. V. (in Russ.)
- Belinsky V. The Answer “Muscovite”. *Domestic Notes*, 1847, vol. 10. (in Russ.)
- Block A. On the appointment of the poet. In: Block A. Collection of works. Moscow, Leningrad, CHL, 1962, vol. 6, p. 166. (in Russ.)
- Bloom H. Western Canon. Moscow, NLO, 2017. (in Russ.)
- Bursov B. I. National originality of Russian literature. Leningrad, Soviet writer Publ., 1967. (in Russ.)
- Coleridge S. T. Shakespeare. In: Literary manifests of West European romantics. Moscow, 1980. (in Russ.)
- Greenblatt S. Freedom of Shakespeare. *IL*, 2014, no. 5. (in Russ.)
- Hegel G. V. F. Formal hardness of character. In: Hegel G. V. F. Aesthetics. In 4 vols. Moscow, Art, 1969, vol. 1. (in Russ.)
- Karamzin N. M. Poetry Leningrad, Soviet writer Publ., 1958. (in Russ.)
- Levin Yu. D. Shakespeare and Russian literature of the XIX century. Leningrad, Science, 1988. (in Russ.)
- Merezhkovsky D. M. Pushkin. In: Pushkin in Russian philosophical criticism. The end of the XIX – XX century. Moscow, St. Petersburg, University book, 1999. (in Russ.)
- Montaigne M. Experiences. In 3 books. Moscow, Science, 1979. (in Russ.)
- Nabokov V. L. Interview, given to Alfred Appel. *Questions of literature*, 1988, no. 10, p. 163. (in Russ.)
- Nepomnyashchy V. S. Yes, we will strengthen. On reading books. In: Speech about Pushkin. 1880–1960. Moscow, Academy of Sciences, 1999. (in Russ.)
- Pushkin A. S. Coll. op. In 10 vols. Leningrad, Science, 1977–1979. (in Russ.)

- Pushkin and his contemporaries. St. Petersburg, 1914, iss. 19–20. (in Russ.)
Stankevich N. Correspondence. 1830–1840. Moscow, 1914. (in Russ.)
Vyazemsky P. A. Notebooks (1813–1848). Moscow, AN SSSR, 1963. (in Russ.)
Wadle VI. Pushkin and Europe. In: Pushkin in Russian philosophical criticism. The end of the XIX – XX century. Moscow, St. Petersburg, University book, 1999. (in Russ.)
Zverev A. Mortal God. *UFO*, 1999, no. 1 (35). (in Russ.)

Aram A. Asoyan – Doctor of Philology Sciences, Professor, Professor of the Department of art history of St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions (15 Fuchik Str., St. Petersburg, 192236, Russian Federation)

Yulius A. Asoyan – Candidate of Philosophical Sciences, associate Professor of Department of Culturology of Russian State Humanity University (6 Miusskaya sq., Moscow, 125993, Russian Federation, assoyan@mail.ru)